

18+

ГЕННАДИЙ ЛОГИНОВ

СЕРА И ЛАДАН

Геннадий Логинов

Сера и ладан

«Издательские решения»

Логинов Г.

Сера и ладан / Г. Логинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833016-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В подборку вошли повести «Ora et labora», «Cito, longe, tarde!», а также рубаи и баллады. Проникнувшись эстетикой эпохи, читатель может поначалу решить, что имеет дело с обычными историческими произведениями. Но вскоре осознаёт, что это чувство обманчиво...

ISBN 978-5-44-833016-2

© Логинов Г.
© Издательские решения

Содержание

Cito, longe, tarde!	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сера и ладан

Геннадий Логинов

Посвящается моей маме

© Геннадий Логинов, 2020

ISBN 978-5-4483-3016-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Cito, longe, tarde!

«Vene dignoscitur, bene curatur»² – некогда было сказано человеком, явно не слышавшим о великой чуме, печально прославившейся в исторических хрониках более поздних веков под именем Чёрной Смерти³.

Не узнать её безобразный гнойный лик, не ощутить тлетворного смрада её дыхания было решительно невозможно, но вместе с тем врачевателям было не под силу не только исцелить страждущих, но хотя бы облегчить страдания умирающих.

Во всяком случае – подавляющему большинству из них.

Денно и ночью обречённые каторжники проклинали свою нелёгкую жизнь, выступая невольными помощниками чумных докторов в их рискованной и, казалось бы, безнадёжной борьбе с эпидемией: облачившись в пропитанные дёгтем кожаные одежды, они разъезжали по опустевшим зловонным улицам проклятых городов, собирали отдающие болезнетворным запахом тела и, ловко поддевая их особыми крючьями, небрежно складывали в перегруженные труповозки.

Впрочем, далеко не все преступники были столь сдержанны: для многих из них общее горе Европы обернулось пусть мимолётной и трагической, но всё-таки свободой, с которой они не желали расставаться, пируя от души на чужих костях.

Дорвавшиеся до грязных работ разбойники вскоре начинали отводить свои чёрные души, грабя и поджигая разорённые дома, заодно вырезая всех, кто встречался им на пути, не делая различий между здоровыми и больными, мужчинами и женщинами, стариками и детьми; насиловать не только живых, но и мёртвых; жестоко глумиться над трупами; вскрывать животы беременным; промышлять людоедством; осквернять святыни; потрошить и протаскивать окровавленные тела по улицам гибнущих городов, а уходя – сбрасывать их в колодцы, умышленно распространяя заразу.

Во многих местах городские власти, врачи и представители духовенства просто бежали, бросив людей на произвол судьбы, вследствие чего в народе возростали паника и гнев к трусливым предателям, а на смену силе закона приходил закон силы.

Земля более не могла вместить в себя погибших, и даже монастырские мощехранилища были переполнены. Казалось, само небо уже прокоптелось от чёрного дыма непрерывно пылавших костров.

Смолкли певчие птицы, лишь жадное воронье кружило над осиротевшими домами: ни один человек, будь то безродный нищий, зажиточный горожанин или куртуазный вельможа, не мог оставаться спокоен за свою жизнь.

Короли и смерды, дворяне и епископы в эти годы уподобились колосьям, скошенным без разбору косою чумы.

Страшная напасть пришла на генуэзских кораблях, принеся с собой немало страданий и горя, но, как известно, беды не ходили в одиночку: постоянные неурожаи, повальные голод и нищета, проказа и оспа, непрерывные войны, череда народных восстаний, небывалый разгул преступности, падёж скота, массовые самоубийства, хаос и мародёрство терзали и без того израненную плоть агонизирующего мира.

Но даже в этом кромешном аду людям оставались свойственны всё те же пороки их несовершенной природы: полагая, что жизнь их продлится недолго, они пускались во все тяжкие, отчего беспробудное пьянство, безудержный разврат и сведение старых счетов царили во многих домах, порог которых ещё не переступила страшная гостья.

Церковь страшала грешников и карала отступников, призывая всех и каждого как можно скорее покаяться до наступления Судного Дня, узрев в происходящих бедствиях начало

исполнения апокалипсических пророчеств: воистину четыре всадника – Голод, Война, Чума и Смерть – дружно мчали галопом, оставляя за собой лишь мрачные безжизненные города.

В то же самое время успехи официальной науки на поприще борьбы со страшным недугом были более чем неутешительны. Подобно сорной траве, произрастали всё новые суеверия, поражая не только умы неграмотных крестьян, но также учёных мужей и святых отцов.

Ходили страшные слухи о кометах, предвещавших бедствие; о людях с пёсыми головами, сопровождавших Деву Чуму во время её странствий по гибнущим землям; о том, что самый верный способ избежать болезни – это встать посередине дороги, отрезать голову чёрному петуху на рассвете, измазать лицо его кровью и протяжно закукаркать.

Дома окуривались травами, предназначенными заглушить чумный смрад; на полу расставляли блюда с молоком; окна завешивали воцелеными полотнами; на стенах писали строки из Священного Писания или слово «абракадабра»; приносили в жертву собак, кошек и кур, но всё было тщетно: чума не щадила ни христианина, ни мавра, ни иудея, ни язычника.

Толпы белоясыков—флагеллантов проходили от города к городу вереницей ужасных процессий: истязая тела свои в кровь, они надеялись претерпеть праведные муки, тем самым искупив грехи всего человечества и остановив чуму; однако вместо этого бичевавшиеся фанатики лишь подливали масло в огонь, способствуя её распространению. Местами их принимали с радостными возгласами, присоединяясь к шествию; местами – побивали камнями и палками, осыпая проклятиями за ересь.

В эти дни многие люди заделались открытыми люцеферианами, рассудив, что Господь не может или не желает положить конец их страданиям. А некоторые пошли дальше, заявив, что на Небесах ещё в незапамятные времена произошло восстание, в результате которого «истинный творец» был свергнут и обманутые люди веками поклонялись не тому, кому следовало бы.

Впрочем, и в эти дни у инквизиторов хватало работы в избытке, поэтому о богохульниках и святотатцах никто не забывал, а Церковь обогащалась от сложенных у закрытых ворот подношений, не успевая ни заниматься всеми доносами, ни отпевать всех умерших: освящая реки, туда просто ссыпали разлагающиеся тела.

Мир сходил с ума. Одни несчастные обречённо кутались в саван, смиренно ложились в постель и безропотно дожидались уготованной Небесами участи, хороня себя ещё при жизни. Другие же предавались кровожадному безумию, озабоченные судорожным поиском виноватых.

Ведьмы, еретики, евреи, прокажённые, иностранцы и мавры – все те, кто отличался от большинства одеждой, внешностью или речью, кого народная молва могла с лёгкой руки уличить в отравлении колодцев, совершении всех смертных грехов, навлекших гнев Господень, а то и в прямом сговоре с Сатаной, – зачастую карались без суда и следствия.

Евреи, пусть даже и крещёные, изначально державшиеся в большинстве городов особняком от прочих жителей, вырывали собственные колодцы и уделяли немалое внимание телесной чистоте, тем самым нарушая один из заветов Святого Бенедикта Нурсийского, гласивший: «Здоровым и в особенности молодым по возрасту следует мыться как можно реже». Ибо тело, являвшее собой, в представлении святых отцов, рассадник греха и порока, было недостойно чрезмерной чистоплотности, способной привести к нарциссизму и похоти. Посему мыться в полгода раз – было ещё допустимо, но совершать регулярные омовения был способен лишь конченый еретик или скрытый иудей, что, в сущности, было одно и то же.

Естественно, евреям не поздоровилось; а многие иудеи, спасая себя от жуткой расправы, дочерей от поругания, малых детей от насильственного крещения и непосильно нажитое имущество от разграбления, запирали свои дома при виде разъярённой толпы, предпочитая сжечь себя заживо.

Напрасно Папа и его авиньонские кардиналы взывали к обезумевшей толпе, стараясь обуздать волну самовольных расправ: большинство епископов и светских властителей продолжало смотреть на творящиеся бесчинства сквозь пальцы, предпочитая не вмешиваться, покуда пламя народного гнева не перекинулось на них самих.

Прокажённым, которых обвинили в стоворе «с жидами и царём сарацинским, отравлении колодцев и занятиях чёрной магией с целью изведения христиан», повезло не больше, чем прочим жертвам самосуда: лепрозории громили, а больных проказой бросали в одни рвы с покойниками, хороня заживо.

Впрочем, некоторыми народными мстителями двигал и банальный расчёт: объявив богатого человека больным и безумным, его могли силой отволочь в лазарет (чему многие предпочли бы смерть), а имущество – растащить.

Многие бросали всё и вся и просто бежали в тщетной попытке выжить, охватившей всех и каждого, хотя, безусловно, находились и доктора, в поте лица сражавшиеся с распространением заразы, и священники, устраивавшие крёстные ходы и исповедовавшие умирающих. И те и другие, как правило, разделяли участь несчастных, с которыми имели дело.

Но чем были заняты те, кто по долгу службы, жажде славы и наживы или искреннему зову сердца был призван предотвратить безумие?

Как правило, всё рвение их сводилось к тезису: «*Quae medicamenta non sanat, ferrum sanat. Quae ferrum non sanat, ignis sanat. Quae vero ignis non sanat, insanabilia reputari oportet*». ⁴

На дворе стоял 1546 год от Рождества Христова.

К трём легендарным бедам Прованса, парламенту, мистралю и Дюрансу, прибавилась и четвёртая, несоизмеримо превосходившая прочие: чума, начавшая своё победоносное шествие по европейским городам ещё в середине XIV века, теперь уже добралась и до этих мест.

Почти все, кто только мог бежать, давно бежали, и чуждому лицемерия человеку было бы сложно кого—либо в этом упрекнуть, оказавшись на страшных улицах зачумлённого города.

Просто такова уж естественная особенность человеческой природы: все люди хотят жить.

Лишь немногие, на редкость отважные, принципиальные, порядочные и даже, можно сказать, чуточку ненормальные чиновники, городские стражи, лекари и священнослужители составляли компанию поражённым чумой горожанам и их уцелевшим сородичам, пожелавшим помочь (тем, что ещё было в их силах) и разделить судьбу своих родных и друзей, более не лелея последние крохи надежды. С каждым днём армия поражённых болезнью пополнялась всё новыми рекрутами, в то время как выживших оставалось всё меньше и меньше.

Экс—ан—Прованс, некогда цветущий и радостный, как сама жизнь, опустел, вымер, и на его высоких острозубых башнях пугающе развевались чёрные знамёна, красноречиво предостерегавшие каждого заблудшего путника от посещения этого проклятого места.

Даже блуждающий ветер был не в силах разогнать тлетворный смрад, безраздельно воцарившийся на обезлюдивших улицах. Ныне пустующие дома, предусмотрительно помеченные крестами, являлись жилищами заражённых. Запустевшие поля поросли сорной травой, чахлые виноградники увядали, а жирные мухи, облюбовавшие останки павших людей и животных, справляли свой шумный пир.

В этих унылых местах не осталось ничего, кроме гибели, страданий и боли, и даже самым отчаянным вора и головорезам было попусту нечем здесь поживиться: всё, что только можно было унести, уже растащили до них стервятники посмелее и пошустрее...

... Тем не менее, в этот день на улицах Экса царило, можно так сказать, редкое для здешних мест оживление: по дороге, ведущей в направлении к Собору Святого Спасителя, в тени высоких опустевших домов, неспешным, но уверенным шагом продвигалась мрачная фигура человека в защитной одежде из воценой кожи и защитной маске, придававшей ему схожесть с диковинной птицей⁵.

Одной рукой путник придерживал сумку с врачебными принадлежностями, другой же опирался на массивную трость, выполнявшую, помимо своей непосредственной функции, роль рабочего инструмента, необходимого при поиске выживших в зачумлённых домах – во избежание непосредственного контакта с телами погибших.

Но, в случае крайней необходимости, трость могла и становиться оружием против особо буйных и окончательно тронувшихся умом пациентов.

Моноotonно пережёвывая чеснок, мужчина вдыхал букет из ароматов трав, духов и ладана, обосновавшихся в «клюве» своей пугающей маски, но даже подобная гремучая смесь не могла всецело пересилить болезнетворные миазмы, витавшие в утреннем воздухе.

Впрочем, не они в этот момент занимали разум странствующего врача. Смерть, ужас запустения и смрад за последние годы сделались для молодого доктора настолько естественными, что он просто не воспринимал своей жизни без них. Пламя душевной боли, съедавшей его все последние годы, со временем поутихло, но в холодной пустоте продолжали мерцать тлеющие угли.

Верный муж, переживший собственную жену. Любящий отец, переживший своих ненаглядных детей. Перед его глазами по-прежнему стояли иссиня—чёрные бубоны, моровые язвы, покрывшие их поражённые чумой крошечные тела, непрерывная лихорадка, детские слёзы, душераздирающие крики и стоны. Мишелю не раз приходилось видеть, как посторонние люди болели и погибали от этого проклятого недуга, но тогда, раньше, чья—то чужая боль воспринималась им совершенно иначе...

Репутация практикующего врачевателя чумы, не сумевшего уберечь от страшной напасти даже свою собственную семью, была подорвана на корню. Жюль Сезар Скалигер, верный друг и наставник Мишеля, человек несравненных достоинств, гений, подобный Плутарху, и тот отвернулся от бывшего ученика, заклеив его своими едкими эпиграммами, в которых совершенно недвусмысленно намекал на тайную приверженность иудаизму.

Однако Мишель не держал на него зла, как, впрочем, и ни на кого другого. Жизнь потеряла всякий смысл, и теперь молодой доктор просто скитался по свету, стараясь если не разыскать средство от чумы, то, как минимум, приложить все силы к своевременному спасению тех, кто ещё не был ею поражён.

Профессия врача представляла собой один из тех немногих путей, которые в ту пору мог избрать для себя крещёный еврей – наравне с торговлей, работой нотариуса или писаря. Предки Мишеля как по отцовской, так и по материнской линии особенно отличились на поприще медицины и, согласно семейному преданию, даже удостоились чести служить при дворах Рене Доброго (короля—трубадура и владыки Прованса) и герцога Калабрийского, поэтому его выбор не вызывал удивлений.

Однако же в случае Мишеля это не было простым совпадением. Это было его призванием. Будущий непримиримый борец с чумой появился на свет в небольшом городке Сен—Реми—де—Прованс, в семействе крещёных евреев, где за его обучение с ранних лет взялся прадедушка Жан, под бдительным взором которого юноша изучал латынь, древнегреческий, иврит, арабский, естественные науки, алхимию, математику и астрономию.

С малых лет Мишель изучал труды Галена и Гиппократ⁶, Аль—Хорезми⁶ и Ги де Шолика⁷, Авиценны и Аристотеля, а также писания святых отцов, каббалу, Ветхий и Новый Заветы, работы Фомы Аквинского, Пьера Абеляра и многие другие сочинения и трактаты, намного опережавшие не только уровень понимания его сверстников, но и многих современников.

Тем не менее, ребёнок, пусть даже и мудрый не по годам, по-прежнему оставался ребёнком, поэтому особый интерес в юном читателе всё-таки вызывали не монументальные трактаты и сложные формулы, а «Золотая легенда»⁸, за освоением которой он отдыхал от утомительных трудов, и запрещённые работы скандально известного францисканского монаха

Роджера Бэкона⁹, в которых тот описывал железнокрылых птиц, бороздящих небесные просторы, металлических рыб, в которых люди будут осваивать морские глубины, самоходные повозки и планетные эпохи, когда люди сумеют побывать на Луне и за её пределами...

...Несмотря на всю неортодоксальность взглядов опального изобретателя, юный Мишель де Нострдам знал, что францисканец не ошибался. Если не во всём, то – во многом. В своих тревожных снах, в ярких видениях, стихийно нападающих на него в любое неподходящее время дня и ночи, он видел воплощение мыслей философа, как, впрочем, и многое другое. В своих снах о грядущем – он видел смерть королей и падение империй, возвеличение слабых и падение сильных. Иногда – это были лишь зыбкие неясные образы, иногда – он слышал точные даты, имена и названия, но порой картина была очень яркой и надолго овладевала его разумом. Поначалу Мишелю казалось, что он сходит с ума, но, тем не менее, набравшись смелости, юноша поделился своими опасениями с близкими, и те отнеслись с пониманием. Ещё при рождении будущего врача прадед составил гороскоп, определив по звёздам, что его юному потомку уготовано особое предназначение.

Получив домашнее образование, о котором многие в его возрасте не могли и мечтать, Мишель поступил в авиньонскую школу. Занятия по геометрии, арифметике, астрономии, логике, музыке и риторике были ему скучны, ведь юный Нострдам уже давно превзошёл всё то, что поседевшие над книгами старцы могли ему дать. Более того, во многих вопросах он мог бы легко и поспорить с погрязшими в суевериях преподавателями, не видевшими дальше собственного носа, но понимал, что выделяться из окружения и выказывать странности было бы не очень благоразумно: еврею, пусть даже и крещёному, нужно было держаться вдвойне осторожно, если только он не собирался погубить себя сам, да ещё и принести неприятности своей семье...

Но завершить обучение в Авиньоне было не суждено: уже через год с момента поступления, когда Мишелю исполнилось пятнадцать лет, в городе вспыхнула эпидемия. Большинство его знакомых побросали учёбу, спасаясь бегством, но для юного Нострдама это было лишь началом его крестового похода против чумы. Видя тела преподавателей и школяров, смрадный ветер, разносящий запах смерти по кишасиными крысами улицам¹⁰, он принял твёрдое решение стать врачом и посвятить жизнь борьбе со всей этой мерзостью.

С целью узнать причины и источники недуга, которые подсказали бы ему способ исцеления, юный энтузиаст в гордом одиночестве отправился в крайне рискованное странствие по поражённым чумою городам. Восемь лет скитался он, изучая происхождение растений и иных простейших веществ, способных послужить подспорьем в достижении вершин медицинской науки. На тот момент медицина, как таковая, не почиталась за родственницу «высоких наук» и отношение к профессии врача было неоднозначным. Единицы из лекарей направляли свои стопы в поражённые чумой города. В основном, это были люди довольно низкой квалификации: либо совсем молодые врачи, желавшие коротким путём сделать себе имя, вместе с тем заработав немалые деньги за риск; либо те, кто уже утратили своё доброе имя врача и, не имея возможности продолжать свою обычную медицинскую практику, собирались себя реабилитировать.

Методы лечения отличались большой изобретательностью: больным вырезали бубоны либо прижигали их калёным железом; в открытую рану наливали горячее масло; втирали в гноившуюся кожу шкурку ящериц, солону, сажу и мази на основе ладана; травили пациентов ртутью и мышьяком; заставляли спать половину ночи на левом боку, а половину – на правом; сажали на лоб лягушку «для восстановления естественного баланса соков в организме»; пускали кровь; сажали на тело пиявки...

Но всё было тщетно: больные продолжали умирать, как и прежде, – если не от чумы, то от «помощи» врачей.

Больных людей не изолировали от здоровых: на кровать, где недавно скончался один пациент, могли положить другого – если ещё не смертельно больного, то вскоре, без сомнения, становившегося таковым.

В то же время своей безопасности врачи уделяли несколько большее внимание: носили пропитанные чесноком защитные маски, регулярно употребляли сам чеснок в пищу, запивая его алкоголем для укрепления защитных сил организма. Один раз подобное «укрепление здоровья» закончилось выговором и краткосрочным арестом «укреплявшихся» врачей за учинённый ими впоследствии пьяный дебош.

Ознакомившись поближе с будущими коллегами и их способами лечения, Мишель нашёл докторов невеждами, а методы – варварскими, однако же предложить что-то действенное он не мог. **Пока ещё** не мог. Впрочем, по крайней мере, он получил представление о том, как **не** следует лечить.

Уважаемый им Роджер Бэкон, обозначая три пути познания – рассуждения, веру в авторитет и опыт, отмечал, что только последний способен привести ум в порядок. Однако же наряду с разумом, опирающимся в суждениях на опыт, – опыт, чтобы не оставаться бесплодным, должен был проходить анализ разума, в то время как авторитет, не опирающийся в суждениях на доводы разума и не подтверждаемый опытом, мог утратить доверие. При этом Бэкон разделял и виды опыта: опыт жизненный, приобретаемый исключительно в процессе жизни; опыт—доказательство, полученный чувствами касательно внешних объектов сего мира; и третий, обособленный опыт, доступный не для всех, – опыт—озарение, мистический опыт, опыт—интуиция, которому отдавали особое предпочтение как сам философ, так и юный Нострадам.

Продолжая свой путь, Мишель не прекращал вести наблюдения и делать заметки. Так, оказавшись волей случая в зачумленном домитории¹¹ одного францисканского аббатства, стараясь оказывать посильную помощь гибнущим монахам, среди гремучей смеси чумного смрада и ладана, посреди отпеваний и стонов, он подводил черту, отмечая общность симптомов и признаков болезни, коими были резкая сильная головная боль и боль в сердце с последующей лихорадкой, порой сопровождающейся паническим страхом, бредовыми видениями и безумными криками; характерный тяжёлый чумной смрад, исходивший от тел заражённых; короткое прерывистое дыхание, сопровождающееся кашлем с кровохарканьем, порой доходившим до кровавой рвоты; возникновение чумных бубонов иссиня—чёрно—желтоватого цвета, в первую очередь – в областях подмышек и паха. Язык, кал и кровь поражённого чумой – также обретали характерный чёрный окрас. Жизнь заболевшего могла длиться по—разному: от нескольких часов до нескольких дней, но, в любом случае, была полна мук и непереносимых страданий...

Как бы то ни было, несмотря на немалые знания Мишеля, обрётённые им самостоятельным путём в обход традиционных медицинских воззрений, диплом был ему необходим: лицензированные врачи, отправлявшиеся на борьбу с чумой, имели определённые преимущества – широкий выбор средств и право проводить вскрытие зачумлённых тел без опасения преследования силами светских властей и Святой Инквизиции.

Единственным известным Мишелю местом, в котором обучающимся врачам дозволялось проводить вскрытие тел, был университет Монпелье, куда он вскоре и поступил. Но, к сожалению, представления преподавателей о человеческой анатомии оказались, на его взгляд, устаревшими и полными предрассудков, вследствие чего молодой и талантливый, но несколько неосторожный студент едва не вылетел с треском с первых же дней своего обучения.

Тем не менее, наступив на горло собственной гордости, Нострадам уладил конфликт и продолжил обучение, стараясь, как и прежде, не выделяться среди прочих – хотя бы с внешней стороны. При этом он не забрасывал свои исследования в области запрещённой фармацевтики.

Видения по-прежнему продолжали мучать Мишеля, посещая его в самые неподходящие моменты, но, вместе с тем, с некоторых пор он пытался учиться их контролировать и вызывать по собственному желанию.

Тем не менее, впасть в транс на глазах у однокурсников и преподавателей было бы очень рискованно – о его странностях и эксцентричном поведении и без того уже ходило немало досужих сплетен. И, к сожалению, видения, показывавшие ему многое, до сих пор не могли либо не желали поведать ему главного – рецепта чудодейственного средства, способного противостоять великой чуме.

Ну пусть бы даже не рецепт: хотя бы намёк. Но – нет. По—видимому, Господу было угодно, чтобы с этой задачей Мишель справлялся своими собственными силами...

Получив диплом врача, Мишель начал подписываться на латинский манер – «Nostradamus», с переменной имени отмечая и перемены, произошедшие в его сознании. Он продолжил свои странствия, и на этот раз удача благоволила ему. В какой—то мере. Повстречав на своём пути Джулио Бордоне по прозвищу «делла Скала», Мишель впервые ощутил, что он не одинок в своих поисках. У него появился друг, наставник и товарищ в одном лице: человек, с которым он мог не только без опасений беседовать на любые интересующие его темы (от чего Нострадамус давно уже отвык), но и разговаривать, как минимум, на равных, находя в собеседнике отклик и понимание (от чего он отвык ещё раньше). Вдобавок же ко всему прочему, у этого собеседника действительно было чему поучиться.

Излишней скромностью Бордоне никогда не страдал, поэтому, выбирая себе псевдоним, он гордо нарёк себя «Жюлем Сезаром» в честь Юлия Цезаря, а фамилия «Скалигер» была взята им в честь знаменитой династии Скалигеров, славных правителей Вероны, к потомкам которых он себя относил.

Врач, поэт, философ, гуманист, естествоиспытатель, астролог, филолог и просто гений, которому были простительны некоторые причуды, – настолько разносторонне одарённым и образованным человеком оказался новый знакомец Мишеля, до глубины души поразивший молодого врача универсальностью своих интересов.

Выдающийся учёный, мыслитель, целитель, литератор, привыкший широко и без предубеждений смотреть на вещи, он никогда не мог сидеть подолгу без дела: Сезар много полемизировал с известными гуманистами (одним из которых, к примеру, был знаменитый Эразм Роттердамский), сочинял и переводил многочисленные трактаты касательно самых разнообразных областей знаний, проводил всевозможные научные изыскания, составлял астрологические прогнозы, да и вообще полагал, что покой, в сущности своей, есть смерть.

Мишель также произвёл достаточное впечатление на этого, без сомнения, значимого человека своей эпохи глубокими познаниями в фармацевтике и медицине, следствием чего было предложение составить компанию Сезару в его научной деятельности, направленной на разрешение всё той же загадки – поиска средства от эпидемии, захлестнувшей Европу.

Приняв это предложение с благодарностью, Нострадамус остался в Ажене, где в скором времени женился и завёл детей. Тогда, в окружении любимых и понимавших его людей, он был по—настоящему счастлив, и счастье это могло бы длиться ещё достаточно долго, если бы не вездесущая чума, настигшая семью своего непримиримого врага в 1537 году...

Но это было позднее, а в тот момент Скалигер, относившийся к евреям без предубеждения, отнёсся с тем же спокойным пониманием к провидческому дару Мишеля, попытавшись поддержать новообретённого ученика в его попытках обуздать и направить свои способности в нужное русло. Короткими вечерами после оживлённой работы, которой оба учёных мужа отдавали себя без остатка, они оставались сидеть в тайном кабинете, раскуривая опиум.

Наряду с медицинскими исследованиями, составлением новых трудов¹² и попытками «настроить» свои видения на желаемую информацию, Мишель подолгу беседовал с Сезаром, сопоставляя увиденное в посещавших его наваждениях с известными фактами, вследствие

чего оба постепенно приходили к выводу, что события прошлого неизбежно циклично повторяются в будущем при идентичной конфигурации планет и светил, вследствие чего те же знамения могут нести одинаковый смысл как для людей прошлого, так для людей настоящего и людей будущего.

Без истории – никуда: без прошлого – нет и будущего. Впрочем, звёзды предсказывали, но не принуждали. Скалигер, в соответствии со своими убеждениями, скорее полагал, что глобальные перемены, не имевшие места в прошлом, всё-таки могут произойти, когда вселенский механизм дойдёт до определённых отдалённых ориентиров, не достигнутых ранее; ведь, в конце концов, если посмотреть на мир с позиции Бытия, люди возникли всего мгновение назад; всё сущее стремится к покою, который суть смерть, и, когда небесные сферы достигнут его, – это и будет конец времён.

Они говорили много, подолгу обсуждая различные темы, в числе прочего и религию, а в частности Реформацию; экземпляры «Библии», написанные реформаторами не на латыни, дабы даровать равную доступность к её освоению для всех; возвания Лютера к евреям¹³ и «Похвалу Глупости»¹⁴ его оппонента Роттердамского – этого признанного «князя гуманистов», который едко изобличал невежество, суеверия и нравы духовенства и светских лиц, но, несмотря на это, не принял Реформации и, полемизируя с Лютером, вместе с тем оправдывал его позицию, полагая, что не каждое заблуждение следует клеймить как ересь.

Вместе с тем, Скалигер подозревал Мишеля в тайном неверии в Христа или, во всяком случае, в приверженности идеям, близким если не иудеям, то эбионитам: евреям, которые признавали святость подавляющей части предписаний Торы, неукоснительную необходимость субботы, обрезания и кашрута, при этом почитая Христа не как Сына Божьего, но как сына Марии и Иосифа, праведника и пророка, подобного Моисею; особенно уважали среди прочих апостолов Петра и Иакова, в то же время не признавали апостолом Павла, порицая его как искажителя идей Христа.

Что же Мишель? Не принимая Реформации в целом, он, вместе с тем, выражал некоторую солидарность её сторонникам в тех или иных частных аспектах¹⁵, придерживался неортодоксальных взглядов по целому ряду вопросов и отмечал превосходство простоты времён раннеапостольского христианства над текущим устоявшимся положением вещей, пусть даже и сам прекрасно осознавал причины и, в известной степени, необходимость такого усложнившегося порядка.

Вопросы политики, религии и философии поднимались между коллегами регулярно, но, тем не менее, ключевая роль, как и прежде, отводилась медицине и фармацевтике: Сезар и Мишель были озабочены поиском рецепта легендарного «териака Андромаха», также известного в среде средневековых врачей и алхимиков как «митридациум» – чудодейственного средства для лечения любых возможных отравлений, в том числе – произошедших естественным путём в силу неправильной работы организма. Согласно преданию, древний царь Митридат активно изучал медицину, ставя опыты на пленниках и преступниках, и коль скоро учёный правитель разрабатывал всевозможные убийственные яды – он же и стал создателем универсального противоядия, позволявшего пресекать деятельность всех известных ему соединений. Помимо прочего считалось, что сотворённый им антидот играл роль прекрасного профилактического средства, продлевая жизнь и здоровье человека, его принимавшего. Капля за каплей, Митридат приучал организм к собственному лекарству, в результате чего обрёл стойкость ко всем известным ему отравам. По злой иронии судьбы, когда в его дворец ворвались солдаты Гнея Помпея Великого, его заклятого врага, царь был бессилён безболезненно прервать свою жизнь при помощи яда, вследствие чего был вынужден упасть на собственный меч. Воины Помпея перевернули всё вверх дном, но так и не обнаружили чудодейственного средства. Тем не менее, Андромах, личный врач Агриппины (матери Нерона, боявшейся быть отравленной

собственным сыном), окольными путями сумел заполучить рецепт и впоследствии доработать его, поскольку создатели ядов также не стояли на месте, а значит – возникали и новые яды, которых просто не существовало ранее, при жизни Митридата Евпатора. Позднее же, по приказу императора Марка Аврелия, рецепт был усовершенствован вновь: на этот раз – самим великим Галеном, «императором врачей», за что тот был удостоен высокой награды из рук самого императора римлян.

Довольно скоро секрет изготовления териака просочился, вследствие чего о нём прознали и на Востоке; но, тем не менее, позволить себе нанять умудрённых врачевателей—алхимиков, способных изготовить настоящий териак, могли лишь единицы наиболее состоятельных людей, а подробности процесса изготовления тщательно оберегались, вследствие чего шарлатаны всех мастей начали создавать свои «териакы», отличавшиеся по рецептам и особенностям приготовления¹⁶.

В сущности, большинство алхимиков искренне полагало, что подобное следует лечить подобным, вследствие чего фармацевты—самоучки старались вбухнуть в самодельное «лекарство» как можно больше доступной отравы: ртуть, мышьяк, опиум, змеиный яд, всевозможный алкоголь, мак, гиацинт, сернистое железо, бобровую струю и вообще всё, до чего дотянутся их загребущие руки, в силу чего про алхимический мусор и оставшиеся без дела соединения даже говорили: «Не выбрасывайте – потом на териак стодится».

Естественно, Мишель и Сезар не разделяли представления о том, что большее количество ингредиентов в составе должно сделать лекарство «ещё лучше», прекрасно осознавая важность элементов состава, поддержания необходимых пропорций и правильного порядка изготовления. Кропотливо и ежечасно трудясь, они задействовали все доступные им средства, начиная от перевода древних античных и восточных трактатов и заканчивая пророчествами Мишеля, подбирая необходимые элементы, но, вместе с тем, несмотря на их продвижение, перед алхимиками по-прежнему оставались незаполненные бреши...

...К сожалению, завершить так успешно начатый труд совместно им было не суждено: сначала – коварная чума лишила Мишеля его жены и детей, что существенным образом подкосило его репутацию как врача, пытавшегося оберегать от чумы посторонних людей; но стоило ему немного отойти от этого горя, как через год его настигла новая беда в лице карающей длани Святой Инквизиции. Причиной ареста стало нелестное высказывание Нострадамуса о статуе Девы Марии; и хотя овдовевший врач подразумевал под своими словами низкое качество работы скульптора, недостаточно хорошо передавшего образ Пречистой Девы, у святых отцов на сей счёт имелось своё мнение. Его спасло лишь вмешательство Скалигера, который, несмотря на испорченные отношения, всё-таки задействовал свои связи, чтобы выволить бывшего друга; но, тем не менее, Сезар вскоре предпочёл отмежеваться от врача—неудачника, ещё и уличённого в ереси, и разорвал с ним всяческие отношения, демонстративно порицая Мишеля за тайную приверженность иудаизму.

Как бы то ни было, Нострадамус решил не мозолить глаза инквизиторам и пустился в добровольное изгнание, затянувшееся на несколько лет, в ходе которого он покинул родную страну, накапливая новые знания и опыт в борьбе с чумой в Италии и Германии. В то же время с ним всё чаще начинали происходить новые странности, а видения становились более яркими, чёткими и конкретными. Так, во время своих скитаний по Италии, Мишель повстречал нищенствующего францисканского монаха по имени Феличе Перетти ди Монтальто, и, преклонив перед ним колени, припал губами к краю его простой грубой рясы. Когда же молодой ошеломлённый монах резонно осведомился, за что тот воздаёт подобные почести человеку столь низкого сана, – Нострадамус ответил, что поцеловал одеяние Папы Римского. Окружавшие, как и сам Феличе, решили, что несчастный спятил, и лишь многими годами позднее, после смерти предсказателя, Папа Сикст V, вступая в обязанности понтифика, вспомнил об этом давнем случае из своего прошлого.

Продолжая, теперь уже самостоятельно, подбирать всё новые недостающие элементы териака, Мишель вернулся в родную Францию и продолжил врачебную практику в Марселе, после чего новая вспышка эпидемии чумы на юге заставила его направиться в Экс—ан—Прованс...

...Итак, на дворе стоял 1546 год от Рождества Христова, и погружённый в свои тяжёлые думы врачеватель направлялся в сторону университетской площади – к Собору Святого Спасителя.

Начиная с XIII века Экс был столицей Прованса, и в то же самое время сердцем самого Экса являлся Собор Святого Спасителя, к которому неизбежно вели все дороги в этом некогда уютном и славном городе: обитель каноников, община которых составляла кафедральный капитул, помогавший епископу вести дела епархии.

Согласно старинному городскому преданию, романо—готический Собор Экса был основан на месте языческого храма Аполлона. В старину подобного рода практика применялась довольно широко: возведение культовых сооружений на месте старых капищ, во—первых, помогало сэкономить на строительстве и, во—вторых, привлекало большее количество новообращённых, по старой памяти ходивших молиться в привычное место.

Согласно всё той же легенде, первую часовню на месте языческого храма воздвиг не кто иной, как Святой Максимин из Прованса – первый епископ Экс—ан—Прованса, сопровождавший по пути в Галлию Марию Магдалену, Марию Клеопову, Марфу и Лазаря. Одни с уверенностью заявляли, что Максимин даже являлся одним из семидесяти двух учеников Христа, другие же утверждали, что он при этом ещё и был слепым от рождения.

Как бы то ни было, первый Собор был основан ещё в VI веке епископом Экса Базилем на месте возведённой Максимином часовни, но, спустя всего два века, – разрушен вторгшимися в Галлию мусульманами: частично уцелел лишь баптистерий, позднее восстановленный и вошедший в состав нового Собора Экса.

На протяжении целых веков Собор Святого Спасителя неоднократно ремонтировался, достраивался и перестраивался, вследствие чего в нём весьма необычно и живописно уживались сооружения различных эпох и стилей, от старых античных колонн баптистерия и фрагментов древних построек до более поздних европейских веяний. Комплекс включал в себя колокольню XV века; клуатр и здания каноников, возведение которых началось в XII веке и завершилось в XIII; главный неф, посвящённый Деве Марии и неф Святого Максимиана, занимавший почётное место между главным нефом и баптистерием, были воздвигнуты в XII веке и выполнены в романском стиле (как и некогда располагавшийся перед главным нефом романский фасад XII века – позднее разрушенный и заменённый в XV веке на готический), в то время как трансепт, начатый в XIII и законченный в начале XIV века, был выполнен в готической манере, которая, в конечном итоге, задавала определяющий тон внешнему облику Собора. Капители колонн клуатра демонстрировали узнаваемые библейские сюжеты, в то время как четыре угловые колонны были украшены резьбой с символами четырёх евангелистов: львом, тельцом, ангелом и орлом. Сам же клуатр располагался на месте бывшей городской площади времён Римской Империи.

Затянувшиеся перестройки и расширение культового Собора Прованса были прерваны Столетней Войной и великой чумой, возобновившись лишь во второй половине XV века, вплоть до конца которого воздвигался фасад. Последние статуи были водружены в 1513 году, когда Мишелю было всего десять лет, – на этом строительство пришло к своему долгожданному завершению.

Однако легенды и предания, связанные с Собором Святого Спасителя, на этом не заканчивались. Одна из статуй, установленных на колоннах Собора, существенно выделялась своим видом даже на столь оригинальном фоне, и это был не архангел Михаил, поражающий дракона, не кто—либо из двенадцати апостолов, украшавших фасад, и не статуи, расположенные

в тимпане. Обезглавленное тело бережно придерживало собственную голову на уровне груди, лицо было печально, а каменные очи с тоскою взирали куда—то вдаль: это была статуя Митрия, раннехристианского святого мученика из города Салоники, равно почитаемого Западной и Восточной Церквями. Согласно преданию, Митрий проживал здесь, на территории Экса, работая на очень порочного и жестокого человека, и был презираем и гоним прочими рабами того же господина за свою приверженность к христианской вере. Как—то раз хозяин отправил его за виноградом, а после обвинил в краже, после чего святой взмолился – и недавно срезанный виноград вырос вновь. После увиденного господин обвинил своего раба в колдовстве и обезглавил, но Митрий спокойно взял свою голову и ушёл от перепуганного хозяина в храм Божьей Матери. 23 октября 1383 года мощи святого были доставлены в Собор Святого Спасителя, и местные жители рассказывали, что отверстие правой колонны возле его могилы чудесным образом мироточит.

Впрочем, в периоды особого буйства чумы, большой популярностью пользовались иные святые – такие, как Святой Рох из Монпелье¹⁷ и Святой Себастьян из Нарбонны. Однако если первый изначально стал известен в качестве непримиримого борца с чумой, который, спасая жизни другим людям, заразился ею сам, за что был изгнан из города, но переболел и выжил, позднее погибнув в заточении из-за ложного доноса о шпионаже, то со вторым святым ситуация была не столь очевидной. Раннехристианский святой, не имевший, ровным счётом, никакого отношения к чуме, римский легионер, сумевший стоически пережить казнь, к которой его приговорил император Диоклетиан¹⁸, и пойти после этого на поправку, внушал людям образ укреплённого верой человека, организм которого способен совладать с любыми невзгодами.

Естественно, особую популярность в период чумы приобретали и иконы этих святых, и, несмотря на то, что согласно официальной позиции церкви роль икон сводилась к напоминающей¹⁹, – подавляющее большинство не разбиравшихся в теологических тонкостях людей суеверно использовало иконы, святую воду и ладан в ритуалах, близких к языческим, поклоняясь не Творцу в присутствии образов и даже не личностям, запечатлённым на этих образах, но самим образам как таковым. По этому поводу Эразм Роттердамский с иронией, возмущением и свойственной ему благочестивой язвительностью замечал в своей легендарной «Похвале Глупости», что с появлением такого количества повторяющихся и почитаемых икон святых, покровительствующих различным городам, регионам и странам, они начали напоминать ему светских правителей со своими поделёнными владениями; и, в большинстве своём, молящиеся могли отдавать большее предпочтение молитвам, обращённым к какому—либо святому, а не Создателю, почитать Пречистую Деву сильнее, чем её Сына, а сохранись за святыми помимо мощей ещё и продукты их жизнедеятельности – невежественные массы и к ним относились бы с трепетом и благоговением.

...Тем не менее, в это хмурое утро у Собора Экса не галдели толпы невежественных христарадников, в былые дни выпрашивавших подаяния: большинство нищих было выкошено воцарившейся в городе чумой в первую же очередь.

Памятуя об успешном опыте борьбы с чумой в Венеции²⁰, оставшиеся представители городских властей создали свою санитарную комиссию, в которую входили некоторые оставшиеся чиновники и дворяне, уцелевшие каноники Собора Святого Спасителя и прочие сравнительно учёные и, безусловно, отважные личности, отчитывающиеся в своих действиях перед епископом и парламентом Экс—ан—Прованса. В этом решении, безусловно, имелись и смысл, и мужество, однако же, к сожалению, до появления Мишеля успехи комиссии нельзя было назвать сколь—либо существенными.

Впрочем, реакция на появление Нострадамуса тоже была неоднозначной: местные врачи (которые, с одной стороны, не отступили перед лицом страшной болезни, но, с другой, умели лечить, в лучшем случае, лишь кровопусканием, вырезанием бубонов и прижиганием калёным

железом) и представители духовенства (которые часто присутствовали при работе врачей ещё задолго до распространения чумы в Экс—ан—Провансе, имея манеру приписывать выздоровление пациентов заслугам своих молитв, а неудачу и смерть – недостаточной компетентности врачей и бессилию их медицинского искусства) с настороженностью относились к врачу, не сумевшему спасти жену, сына и дочь, но при этом имевшего в прошлом репутацию колдуна²¹ и проблемы со Святой Инквизицией, практикующего неортодоксальные методы лечения болезней и изготовления лекарств, да к тому ж, помимо всего прочего, – еврея неопределённого вероисповедания с весьма специфическими убеждениями.

Тем не менее, выбирать и размениваться предложениями о безвозмездной помощи городские власти также не могли – тонущие, хватавшиеся за соломинку, они нуждались в любой поддержке.

Первые шаги, сделанные Мишелем в качестве практикующего чумного доктора Экс—ан—Прованса, по сути, не представляли собой ничего из ряда вон выходящего, однако уже и этих вполне, казалось бы, очевидных мер оказалось достаточно, чтобы снизить смертность и замедлить процесс распространения пандемии. Нострадамус проводил непрерывные осмотры уцелевших горожан, выявляя первые признаки заражения ещё до того, как заболевший успеет распространить болезнь и дойдёт до худшего состояния; он ввёл жёсткую изоляцию для заражённых людей, отделяя не только поражённых чумой от здоровых, но и безнадёжных больных от тех, чьё состояние, согласно его мнению, ещё не дошло до критической стадии; он призывал всех и каждого внимательно относиться к своей гигиене, как можно чаще мыться и менять одежду, не ходить куда-либо без крайней необходимости, хоронить мертвецов в гашеной извести, а также уничтожать их личные вещи и любые предметы, с которыми ранее контактировали больные.

Но, так или иначе, все принятые Мишелем меры лишь тормозили распространение чумы, не помогая искоренить её причину или, по крайней мере, эффективно бороться с её последствиями. Необходимо было срочно менять стратегию и двигаться дальше, переходя от глухой обороны к наступлению. По сути, это была настоящая война, потери в которой несла лишь одна из сторон, – но это не могло длиться вечно.

Даже продолжая поддерживать своих пациентов и приучать здоровых людей к профилактическим процедурам, Нострадамус не останавливался в своих поисках недостающих элементов териака. Как и прежде, Мишель использовал все доступные ему методы: заучивая наизусть содержание тяжёлых фолиантов и рассыпающихся от времени трактатов, сверяясь со звёздами, впадая в молитвенный транс и принимая запрещённые препараты для целенаправленного вызова видений, – он робкими шагами продвигался навстречу рецепту чудодейственного средства, меча, который должен был поразить Чуму. Нехватка Скалигера ощущалась весьма остро – врачу не хватало не только знаний бывшего друга и наставника, но и его моральной поддержки, их интеллектуальных бесед и понимания, которое он не находил в других людях: даже тех, которые искренне пытались ему помочь, не располагая при этом ни соответствующими знаниями, ни особой остротой ума. Но, так или иначе, с Сезаром или без, Нострадамус собирался довести начатую им много лет назад рискованную затею до конца.

Какое—то необъяснимое внутреннее убеждение поддерживало в нём веру, что, несмотря ни на что, ему не суждено заразиться.

Каждый вечер после тяжёлого рабочего дня и обхода своих больных Мишель открывал массивную, окованную листами меди, книгу, имевшую особый замок, отпиравшийся небольшим ключом, который Нострадамус всегда носил при себе. Далее – он брался за перо и, обмакнув его в лежавший неподалёку открытым рожок чернил, начинал в подробностях описывать свои сегодняшние действия, направленные на предотвращение эпидемии, утаивая лишь откровенно запрещённые и подозрительные методики, за которые его вновь могли привлечь инквизиторы, продолжавшие и в эти дни пристальное наблюдение за нестандартно мыслящими

людьми. Обычный доклад для властей, вместе с тем, помогал приводить мысли в порядок и лишней раз убеждать себя в том, что его труд не напрасен; однако же, даже сократив число ежедневно умиравших горожан, Мишель не мог пресечь проблему на корню. Во всяком случае – **пока ещё** не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.